

Михаил Ера

У чёрта на
кулижках

Михаил Ера

У чёрта на кулижках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70502554

SelfPub; 2024

Аннотация

Карантинная зона, вирус, поразивший когнитивные функции, зомбированные люди. Алчность, остатки чувств, предательство. Падшие ангелы, способные исправить ситуацию и вернуть себя... Отражение настоящего в мистике.

Михаил Ера

У чёрта на кулижках

Проехали широкий уступ. Селение на нём давно заброшено: каменные дома лишены окон и крыш.

«Стекло, дерево и черепица, наверное, – думал Крупский, – перекочевали к новым хозяевам».

Надрывно гудел мотор, волоча тяжёлый кроссовер вверх по серпантину. Крылья брызг – плотная мокрая ледяная каша – широко и мощно распахивались от колёс, оставляя грязный след на свежем снегу обочины. Гадюкой извивалась плешиво-чёрная асфальтированная дорога, местами, из-за наплыва талой воды, больше похожая на реку. За стеклом мелькали каменные глыбы в подъеденных слабым февральским солнцем белых шубах, кучи щебня, а за ними седая хвоя макушек чахлого ельника. Тяжёлые тёмно-фиолетовые тучи нависали над горами.

Ольга дремала на пассажирском сиденье. Всю дорогу Крупский пытался ответить себе на вопрос, – «как так получилось, что он взял её с собой?». Не выходило. После продажи бизнеса и квартиры, уже перед самым отъездом он решил рубить все концы. Никто и ничто не должно было удерживать его в Зоне и даже напоминать о годах, проведённых в ней. У женщин невероятное чутьё на малейшее охлажде-

ние отношений. Ольга лишь в очередной раз подтвердила эту давно подмеченную способность. За сутки до отъезда она притащила в гостиничный номер свой чемодан на колёсиках и сказала:

– Он завтра приедет и убьёт меня. Ты же знаешь, как у них крышу срывает. Идти мне больше некуда, Витя. Спасай.

Он – это её муж, мелкий «хищник»: из тех агрессивных сектантов, которые обретаются в лесах, в кругу себе подобных. Живут они в землянках, жгут костры, воют в назначенный час: оборотни, почти зомби. Иногда в них пробуждается что-то человеческое, и они ненадолго возвращаются в города, в брошенные семьи. Часто это оборачивается трагедией.

Вот так и вышло, что собирался Крупский один, а поехал с любовницей. Подгрузил в багажник к своему шмотью ещё и бабский чемодан с кружевными трусиками, косметикой и побрякушками, сказал:

– Ладно, садись, уедем отсюда навсегда.

Последнее слово, сказанное Крупским, подействовало на Ольгу совершенно неожиданно. Она не задавала idiotских вопросов, лишь кротко взглянула на свой чемодан, на Крупского; и на её лице вспыхнуло почти осязаемое счастье. Не прошло и трёх секунд, как она уже пристёгивала себя ремнём безопасности, чего прежде никогда не делала.

«Бойтся потеряться?», – подумал тогда Крупский.

Друзья уверяли, что убраться из карантинной зоны можно только через перевал по старой дороге. Шепнули к кому

обратиться в Кулижках.

Впереди возникла серая фигура размашисто шагающего, развевая полы старомодной офицерской шинели, мужчины средних лет. В широкополой кожаной шляпе, в берцах на толстой подошве, шагал он по краю дороги один в столь зыбкий час; высокий, нескладный, склонив голову, в этой дикой горной глуши. Куда, зачем?

Крупский принял влево и убавил скорость, сокращая размах крыла грязных брызг, чтобы не обдать путника. Тот даже не оглянулся. Шёл как шёл, угрюмо и упрямо.

– Почему ты не остановился? Надо было подобрать, подвезти. Человек всё-таки, – сказала вдруг Ольга.

– Я думал, ты спишь. Не хотелось тебя будить, – ответил Крупский. – Он не голосовал. Вольному воля. Он знает, куда и зачем идёт. А мы понятия не имеем, кто этот тип и чего от него ожидать. Так зачем навязываться?

– Думаешь, «хищник»?

– Скорее егерь. Не встал на пути, не вынул ствол из-под полы, уже хорошо.

Пять часов пополудни в феврале в ненастье – это пора обманчивых расстояний и иллюзий на границе света и тени. Проехали ещё одно заброшенное село, церквушку на околице. Тоже всё без окон, дверей, крыш. Остался только камень, который в здешних краях никому не интересен. Мёртвое де-

рево без коры у самой обочины, кладбище, кресты с широко раскинутыми руками...

Свернули на узкую щебёночную дорогу: старый путь через перевал, теперь ведущий в тупик, к обвалу столетней давности.

В густом уже сумраке снова появились каменные хижины, дальше пустая ровная площадка, одинокий столб, а на нём грустный фонарь, будто единственный в целом мире. Включён. Значит, есть кому светить.

– Добро пожаловать в Кулижки, – сказал Крупский, остановив машину у большого двухэтажного дома: тоже каменного, как всё здесь. – Ничего не изменилось. Вообще. Будто в прошлое приехал.

– Мне здесь не нравится, – сказала Ольга, осматриваясь сквозь стекла по сторонам. – Что-то нехорошее тут как будто в воздухе витает.

– Да, мрачности Кулижкам и днём не занимать, – согласился Крупский. – А хозяином раньше тут был, на погляд, ну натуральный чёрт. Прикинь, косматый такой мужик, слегка на цыгана похож, с чёрными кустистыми бровями, с седыми бакенами. В моих нынешних летах, но живчик... был, лет двадцать назад. Не выходит никто, будто у них тут от гостей отбоя нет. Схожу, узнаю, что к чему. Может, просто помер старый чёрт и некому фонарь погасить. Сиди тут, жди, я скоро.

– Я с тобой, – жалобно сказала Ольга. – Одной мне страшно.

Едва взглянув на спутницу, Крупский понял, что это не бабская прихоть.

– Пойдём, – сказал он, и осознал вдруг, что и у самого на душе не очень-то спокойно, хотя причин тому не находил.

Он уверенно постучал в дверь и сразу, по тому, как та заходила ходуном, понял, что не заперто. Потянул ручку на себя, дверь открылась с протяжным скрипом.

Ольга поёжилась и спряталась за спиной Крупского, положив тому руку на плечо.

– Наверное, никого нет дома. Поехали отсюда, Вить. Куда-нибудь, лишь бы подальше. Мне страшно, Вить, – шёпотом затараторила она.

Он не ответил, шагнул в тёмноту.

Крупский знал, помнил, что от входной двери тянется узкий и довольно длинный проход с рядами крючков на стене. Здесь оставляли верхнюю одежду и переобувались: бывший хозяин не терпел уличной обуви в своём доме, потому там, у второй двери, ведущей в прихожую, был стеллаж с резиновыми тапками.

Свет зажёгся как только оба – и Крупский, и Ольга – оказались в глубине узкого коридора. Тут же запахнулась дверь в прихожую. На пороге возник мужчина с богатой неухоженной шевелюрой, с чёрными кустами бровей и седыми баке-

нами, с дробовиком в руках.

– Ну, здравствуйте, гости дорогие, – буднично сказал он. – Суетиться не надо. Руки в гору и улыбнитесь хозяину пошире.

Крупский замер и в недоумении раскрыл рот. Перед ним стоял тот самый хозяин дома, которого он знал и помнил. И он совершенно не изменился, как будто время над ним не властно. Укрыться от выстрела, реши этот тип пальнуть, в узком коридоре попросту негде. А бежать некуда: сзади Ольга.

В городах Зоны гостеприимством с ружьём в руках удивить сложно. Но в тихой глубинке подобная агрессия всё же оставалась редкостью, а здесь, в глуши, почти у самого кордона, стала полной неожиданностью.

– Мы «веганы», – выдавил из себя Крупский и растянул в натужной улыбке рот, показывая зубы.

– Не ври мне, парень, – сказал хозяин.

– В долине всех людей с иммунитетом называют «веганамы»... или «овощами», – пояснил Крупский и тут же добавил, справедливо полагая, что глядя в ствол дробовика, напомнить о прежних контактах будет совсем не лишним:

– Я бывал в этом доме раньше. Давно. С друзьями. Потому и... Нам за кордон.

– Проходите, – сказал хозяин, то ли отреагировав на слова Крупского, то ли убедившись, что опасности гости не представляют. – Верхнее снимайте здесь. И обувь тоже. Тапки на

полках. – Он указал рукой на стеллаж и ушёл в дом, оставив дверь приоткрытой.

Ольга шумно выдохнула и прошептала неразборчиво что-то вроде молитвы.

Крупский, будучи атеистом, ни в Бога, ни в чёрта не верил. Но почему-то именно сейчас, обувая тапки, вдруг вспомнил, как хохотал однажды, выслушав историю о крестьянине вместе с православными мусульманине, ставшим свидетелем знамения у христианского храма. Теперь вряд ли бы засмеялся.

Неспешно переобуваясь и прокручивая в уме ловко устроенную хозяином засаду, Крупский подумал о том, что быстро убраться из дома, случись что, в это время года в тапках не получится. И понимай после этого требование хозяина как хочешь.

То, что случилось в Зоне, не выходило за рамки материализма: эпидемия полусинтетического кю-вируса, поражающего зубы, психику и когнитивные функции. С первым неплохо справлялись стоматологи: стачивание клыков – заурядная операция. Вторым и третьим – занимались психиатры и егеря: жёстко, с «перегибами на местах», с принудительной психиатрией и лоботомией, часто со стрельбой и взрывами; но и с сомнительным результатом. День ото дня Зона становилась слишком опасным для обывателя местом. Параллельно ограничивались возможности выезда и вывода

любых активов за карантинный кордон. Для Крупского не было неразрешимой задачей – купить десяток справок, без которых просто не выпустят. Проблема в том, что даже с хорошим «откатом» вывезти чемодан денег стало не реально.

«А вдруг, правда, чёрт? Не постарел же, мерзавец, совсем. Может, это просто родственник: сын, брат?», – думал Крупский, проходя в гостиную и вглядываясь в лицо хозяина, сидящего в кресле у камина.

Тот с безразличным видом листал какую-то толстую книгу, а заметив пристальный взгляд Крупского, обратился к нему:

– Гостевал уже у меня, значит. Ну, тогда шалаву свою устрой в комнате, в которой ночевал. А о делах после поговорим.

Ольга метнула злобный взгляд сначала на хозяина, после на Крупского. Тот промолчал; потупив взгляд, указал рукой на лестницу.

– Знаешь, что такое сила, девонька? – снова отвлекаясь от чтения, спросил хозяин.

Ольга, едва сдвинувшись с места, остановилась, посмотрела взглядом оскорблённой, униженной женщины.

– Неужели хамство? – язвительно спросила она.

– Почти угадала, – усмехнувшись, потрясая толковым словарём Даля, сказал хозяин. – Это единственное, что признаёт хищник. А сама она, девонька, в начале, в источнике, в

неведомой причине всякого действия и понуждения. В том, что ты ещё у моего порога ощутила, да так и не поняла, а мачо твой только что осознал. И теперь вы оба знаете, что я право имею. Ступайте, располагайтесь.

Крупского злило собственное бессилие.

«Одной фразой этот скот умудрился облить помоями обоих, – думал он. – Позвонить, решить вопрос? Не дорого бы и взяли за этого халдея, попутавшего берега. Зная, что уехал, наверняка откажут. Да и услуги его теперь в цене. И рубанул же, мразь, наотмашь, точно зная, что ничего ему за это не будет».

Поднимаясь по лестнице, молчали. Вошли в комнату, не спеша осмотрелись. Всё выглядело свежо, но простенько, дешёво, как бывает в провинциальных гостиницах: две односпальные кровати у стен, две тумбочки с настольными лампами, плательный шкаф с зеркалом на дверце, плазменный телевизор.

Ольга села на край кровати и уставилась ничего не видящим взглядом в чёрную пропасть окна. Наверняка ей было, что сказать, но она молчала. Губы её слегка шевелились, будто несмело вторя тем унылым мыслям, которые теперь занимали её.

– Без этого кретина нам не выехать за кордон, – тихо, осознавая, что это слабое оправдание, сказал Крупский.

– Я всё поняла, Витя, – продолжая отрешённо смотреть на чёрное стекло, ответила Ольга.

– Я... – несмело начал Крупский, – пойду, поговорю с ним. Надеюсь, долго мы здесь не задержимся.

– Да, сходи, – почти прошептала Ольга и зачем-то добавила: – Правда.

Хозяин всё так же сидел у камина и листал толковый словарь. В соседнем кресле откуда-то взялся коротко стриженный и гладко выбритый блондин лет сорока, во френче с огромными карманами, в старомодных офицерских галифе с тонким синим лампасом, в вязаных шерстяных носках. Похоже, он только что с улицы: причёска и кожа на лбу всё ещё хранили отпечаток головного убора, а щёки пылали румянцем. Заметив спускающегося по лестнице Крупского, человек этот сразу обратился к нему:

– Это ваша машина у входа?

Говорил блондин громко, отрывисто, букв не проглатывал, словно прессом штамповал каждое слово. Из-за его простуженного, с лёгкой хрипотцой голоса, вопрос казался резким, грубоватым.

– Да, а что? – ответил Крупский, невольно готовясь к очередной неприятности.

– Хочу вас поблагодарить, – улыбнувшись, сказал блондин.

– И за что же? – удивлённо спросил Крупский.

– За то, что не обрызгали меня там, на дороге.

– Так это были вы: в шинели, в шляпе! Не за что благодарить, честное слово, – с явным облегчением, отозвался Крупский. – Удивительно быстро вы добрались!

– Серпантин обманчив. На самом деле до того места меньше километра. Будь я чуть проворнее, встретил бы вас у порога. Георгий, геолог, к вашим услугам, – наконец представился он.

– Виктор, бизнесмен. Теперь уже бывший.

– Ну что же, все в сборе, пора ужинать, – откладывая словарь, объявил хозяин. – Идёмте в столовую, господа. А ты, Виктор, спутницу свою позови.

– О, вечер обещает быть томным, – произнёс Георгий. – Ужин с дамой! Прелестно! Восхитительно! Надеюсь, Виктор, вы не станете ревновать? Не нужно ревновать к кочевнику. Хотя, как знать, как знать...

Он широко улыбнулся, поднялся с кресла, высокий, нескладный, и пошёл в этих нелепых шерстяных носках и резиновых шлёпках в столовую, с хрипотцой декламируя Блока:

Никогда не забуду (он был, или не был,

Этот вечер): пожаром зари

Сожжено и раздвинуто бледное небо,

И на жёлтой заре – фонари...

– Ужинать зовут, – войдя в комнату, сказал Крупский.

– И что подают в этом доме? Макароны по-флотски или сосиску в тесте с кетчупом и майонезом? Поговорил? – отозвалась Ольга.

Она, закинув две подушки под спину, устроила себе некое подобие кресла и теперь полулежала поперёк кровати, лениво пролистывая веб-страницы в своём айфоне. Разутые ноги её покоились на тумбочке.

– Может, каша перловая. Понятия не имею. А поговорить помешали. Совершенно некстати явился какой-то блондин в шерстяных носках. Назвался Георгием. Оказался тем самым прохожим, которого ты подвезти хотела. Пришлось с разговором повременить.

– Блондины в шерстяных носках не в моём вкусе, – задумчиво сказала Ольга. – Но любопытно посмотреть на этого загадочного пешехода.

– И что же в нём такого загадочного? – спросил Крупский.

– Не знаю. Наверное, то, что он шёл как призрак в сумраке... И пришёл именно сюда. В общем, забей.

В молчании спустились в столовую. Хозяин и Георгий уже были там. Уселись они друг против друга за длинным дубовым столом, привезённым, должно быть, в эту глухомань из какого-нибудь средневекового замка. Мужчины к ужину не приступали, ждали.

Крупский с удивлением обнаружил, что у мест, оставленных ему и Ольге, стояло именно то, что они обычно заказывали.

вали в ресторанчике «На набережной». Отличалась только посуда: ресторанная была просто белой, а здесь угольно-чёрная снаружи и белоснежная внутри. Ольга тоже обратила на это внимание и, кажется, осталась под впечатлением.

– За милых дам! – едва уселись, произнёс тост Георгий, и тут же в старомодной дворянской манере представился Ольге.

«Шут гороховый», – подумал Крупский, но бокал поднял и выпил со всеми, оценив содержимое, как очень неплохой виски.

Какое-то время тишину разбавляло лишь позвякивание столовых приборов. Георгий с большим аппетитом налегал на бифштекс. Видимо, хождение по горам давало о себе знать.

Ольга, как обычно, больше ковырялась вилкой в салате, нежели ела.

Хозяин тоже голодным не выглядел. Похоже, он устроил себе развлечение: выпиливал зубастым столовым ножом кубики из бифштекса, сравнивал, отправлял отбракованные в рот и тщательно их пережёвывал.

Крупский, по обыкновению, не ел, а закусывал: часто и много. Тарелка и графинчик с виски пустели одновременно.

– А что это мы молчим? – наевшись, утерев рот салфеткой, спросил Георгий.

– А ты вот сам и расскажи что-нибудь, – не отвлекаясь от выпиливания кубиков, сказал хозяин. – Ты же геолог! Исто-

рий всяких у тебя должно быть не меньше, чем в моей библиотеке. Да хотя бы о Земле, о шпатах всяких, о халцедонах своих или что там ещё у вашего брата, геолога...

– А и расскажу. Только не о камнях, а о людях. Сначала об одной женщине, если позволите.

– Давай, валяй о женщине, – согласился хозяин.

– Историю эту я начну с момента, когда хорошенькая девочка, назовём её условно Эллой, к исходу пятнадцатого своего года поняла, что обладает особым обаянием, продержалось которое, впрочем, всего около двух лет. Профиль, губки, шелковистые волосы, осанка: всё очаровательно было в ней. Но, увы, ничего из этого так и не получилось. Прошло как сон, оставив за собой калейдоскоп воспоминаний о цветах, о прогулках то с этим, то с другим, о неумелых поцелуях. Трудно сказать, что именно помешало больше – мать, завуч школы, в которой училась Элла или молодой учитель физики, послуживший для неё эталоном мужчины. В студенческие годы история почти повторилась, но уже без метафизики неизъяснимого и уже утерянного обаяния. Место матери теперь занял отец – профессор, а эталонным мужчиной стал грузноватый лаборант: женатый и выпить не дурак. К этим годам у Элочки набралось довольно много гламурных знакомых, в пальчиках появилась тонкая сигаретка, завёлся лексикон, собралась коллекция особых жестов, ужимок и мимики. Эллочка полюбила танцевать в клубе, поднимать с подружками шампанское в высоком хрустальном

бокале за тайное здоровье третьего лица, и вообще обсуждать чужие амурные дела. В неё саму никто не влюблялся, но облапить или хлопнуть по аппетитной попке желающих хватало. Случалось, подпаивали и пользовались ею. Было хорошо и весело, но явился вдруг зловредный вирус. Первой умерла мать. Отец ушёл в запой и довольно скоро отправился вслед за супругой. Жизнь посерела, Эллу признали носителем. Она перестала посещать клубы, волосы потеряли лоск, руки с неряшливыми ногтями покрылись жилками, а состояние колготок... это боль и мрак. Когда подкладка сумочки истрепалась до дыр, случилось маленькое чудо: под ней нашлось немного беглых денег. Но хватило их лишь на восторг и колечко копчёной колбасы. Университетский диплом Элла получить успела, но в баре теперь не сидела, а работала за стойкой. Скромные доходы не позволяли не думать о подошве зимней обуви. На рабочем месте её и подобрал будущий муж, год спустя завывший в назначенный час...

Ольга, до этого момента удивлённо и внимательно слушавшая Георгия, вдруг побледнела. Вилка в её руке стала заметно трястись, потому вынуждена она была её отложить, а руки спрятать под стол.

– Вам плохо? – прервав рассказ, спросил Георгий. – Если это из-за истории Элочки, я больше слова о ней не скажу.

– Всё в порядке, – дрожащим голосом сказала Ольга. – Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте.

– Нет уж, довольно, – сказал Георгий. – Я лучше о мужчи-

не расскажу. И начну, пожалуй, с момента, когда один умный юноша, назовём его Антоном, сообразил, что имеет профессию по факту своего рождения. Впрочем, как минимум, все те предки, с которыми Антон был знаком лично, получили от этой профессии всё, что имели, и даже чуточку больше. Фамилию мальчика тоже обозначим условно – Шмидт. Прадед Антона успешно работал сыном Шмидта. Дед – внуком одного и сыном другого Шмидта. Отец продолжил династию. Стоит отметить, что все разнообразные Шмидты, какую бы в действительности фамилию они не носили, ходили в одни и те же учебные заведения. Как правило, не столько ради знаний, сколько для того, чтобы познакомиться и сдружиться с коллегами по профессии, условными родственниками: для успешной карьеры это очень полезно. Но на счастье или на беду Антона – смотря, с какой стороны это оценивать – времена пришли сложные, способные поставить крест на династических традициях. Потому юноша решил учиться прилежно и свой красный диплом он заслужил. На правах потомка Шмидта Антон получил хорошую должность. Жизнь удалась. Если он когда-нибудь и воровал гусей, то исключительно в товарных масштабах...

– Достаточно! – раздражённо сказал Крупский, осознав, что история условного Антона Шмидта сильно напоминает его собственную биографию. И если сейчас же не остановить рассказчика, то из шкафов начнут вываливаться не самого пристойного вида скелеты. – Я знаю оригинальную версию из

первоисточника. Вряд ли у вас получится превзойти. Хватит чернухи, Георгий, расскажите лучше о чём-нибудь добром, жизнеутверждающем.

– Действительно, хватит уже чернухи, – поддакнул хозяин.

– Ладно, расскажу вам добрую историю, – примирительно выставив руки, согласился Георгий. – Начну с метеоритного дождя...

– Вот, вот, а я сразу говорил, что лучше о камнях, – встал хозяин и отправил в рот очередной кубик бифштекса.

– Ну, я бы не назвал это камнями... Хотя бездушность, конечно, их общая черта, – признался Георгий, состроив кислую гримасу и почесав затылок. – В общем, если опустить чернушную предысторию, то просто скажу, что метеоритным дождём пролился однажды на Землю легион ангелов...

Услышав это, хозяин вскинул кустистую бровь.

– Ты уверен, что из этого выйдет добрая история? – поинтересовался он, с явным подозрением во взгляде и голосе.

– Всю чернуху я старательно опушу, – заверил Георгий.

– Ладно, – неохотно одобрил хозяин, – валяй, рассказывай.

– Проблема падших ангелов сложна и проста одновременно, – пространно начал Георгий. – Чтобы вернуться в свой мир, каждому из них прежде нужно восполнить утраченную часть собственной души, которую принято называть совестью. Но как это сделать, никто из них толком не знает. По

понятным причинам есть у падших всего один путь познания – стезя проб и ошибок. Душа – это бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волей. Эфемерную эту субстанцию очень легко потерять, а вернуть или купить другую, новую и чистую, невозможно. Падший не покупатель душ, а лишь соблазнитель. Сделка заключается не с ним, а с собственной совестью. Вслед за роковым решением разменянная часть души отлетает неведомо куда, и поймать её не удавалось ещё никому. Ловцами душ падших назвали за сам процесс: они всё ловят и ловят, и ловят... Иногда им кажется, что вот он, хвост птицы-удачи, что ухватили его... Но, как говорят специалисты, это всего лишь психосоматика. Разочарование не заставляет себя долго ждать. Упрямства, впрочем, падшим не занимать. Спроси любого, ответит, что, мол, рано или поздно количество перейдёт в качество. Они в это верят. Надо же хоть во что-то верить...

– Э-эй, Георгий, ау! – прервал хозяин. – Ты, вроде бы, историей грозился, а не трактатом.

– Это была вводная часть, – пояснил Георгий. – А история моя об одном таком ловце пустоты, совершившем множество ошибок. С некоторыми изъятиями под наш уговор, обойтись без чернухи, подпадают три коротких эпизода из его долгой земной жизни. Но эпизоды эти всё же стоят того, чтобы о них рассказать. Первый связан с попугаем по имени Иннокентий. Этот средних размеров ара жил у одного, прямо скажем, весьма неприятного типа. Единственное

светлое, что оставалось в душе этого господина, это сильная и искренняя привязанность к говорливому пернатому. Чудом уцелевший осколок чистой души и стал предметом сделки. Продавать Кешу этот тип поначалу наотрез отказывался. Падший не торопил. Он, словно механический счётчик, ежедневно накручивал сумму, которую готов заплатить. Дошло до того, что хозяин Кеши уже не мог ни спать, ни есть: и деньги он очень любил, и попугая. Но, в конце концов, предал и продал он своего питомца за очень приличную сумму. Думал, что остался в выигрыше, но... Памятуя об уговоре, не будем о грустном. Душу падший, разумеется, не поймал, а попугай не был ему нужен абсолютно. Сначала падший хотел выбросить ару на мороз, но кто-то отвлёк, и Кеша случайно задержался в доме на ночь. А то, что произошло после, отчасти напоминает сказку о Шахерезаде. Вы, должно быть, помните, что дочь визиря рассказывала султану всякие интересные истории до тех пор, пока тот не изменился. Не то чтобы Иннокентий говорил без умолка, но в доме умудрился прижиться. Какое-то время аре пришлось голодать: падший и не думал его кормить. Однако попугаи скромностью не страдают. Выбравшись из клетки, он стал промышлять воровством продуктов. Иногда преследование хулигана утрачивает изначальную злость и ярость, перерастает в азартную игру. А то и вовсе становятся досужим развлечением. Опустим при этом, что Кеше первое время всё-таки неслабо доставалось по макушке. Но спустя полгода или

около того, падший с удивлением осознал, что привязался к пернатому безобразнику; и восхитился первой своей победой в деле обретения души.

Георгий отвлёкся, чтобы плеснуть себе из графина немного виски; выпил, закусил ананасовым салатом с курицей.

Хозяин зачем-то наколол зубочисткой кубик бифштекса и теперь, вращая, рассматривал его. Очевидно, думал он в это время вовсе не о кусочке обжаренного мяса, а о чём-то светлом, давно минувшем, почти забытом.

Ольге история понравилась. Слушала она внимательно и, кажется, совсем выбросила из головы то, чем была взволнована несколько минут назад.

Крупский откровенно скучал. Едва дождавшись окончания эпизода, он тут же обратился к Ольге с просьбой передать ему бифштекс, к которому она так и не притронулась. После чего снова принялся закусывать, пока в графине ещё кое-что оставалось.

– Второй эпизод совсем короткий и на первый взгляд может показаться незначительным, – прервав образовавшийся антракт, сказал Георгий. – Связан он с одним писателем, этнографом и лексикографом, который, к вящему удивлению падшего, занимался примерно тем же, что и он сам. С той лишь разницей, что человек этот ловил слова и их значения. И у него неплохо получалось. Он честно и прямо, безо всяких кровавых подписей в договоре, просил «поделиться», «уточнить», «прояснить». Можно сказать, впервые пад-

ший почувствовал, что, хоть и не сам, а посредством этого невзрачного человека, может что-то создать. Писатель жил в доме падшего несколько месяцев. Хозяин и гость часто и подолгу беседовали. Иннокентий, к слову, в этом тоже активно участвовал. Бывало, писатель ставил на стол чернильницу, брал бумагу и перо и записывал под диктовку падшего некоторые мысли. Тот после перечитывал, проверял, собственноручно правил. Оба озвученных мной эпизода стали предтече третьему. Век ары сопоставим с человеческим, а потому, по ангельским меркам, недолог. Было ясное летнее утро. Старый попугай, жизнь в котором давно теплилась лишь стараниями падшего, прогуливался по подоконнику. Ничего не предвещало беды, но она пришла. Кеша неожиданно остановился, закатил глаза и чучелком свалился на пол. Впервые падший почувствовал собственное сердце: оно ныло долго и пронзительно. Он был безутешен, он плакал не из-за соринки, попавшей в глаз, что случилось и прежде, а от чувства утраты чего-то невероятно важного.

– Уел, – вдруг произнёс хозяин и потянулся за салфеткой, чтобы утереть слезу.

– Ещё пару слов, дамы и господа, – попросил Георгий.

– Да иди ты!.. – отмахнулся растроганный хозяин.

– Позвольте всего несколько слов. Вы, должно быть, уже поняли, из чьей жизни взяты эти сентиментальные эпизоды, – сказал Георгий, взглянув почему-то на Ольгу. – Хочу лишь добавить, что в библиотеке, которая занимает смеж-

ную комнату, до сих пор стоит вязанная из медной золочёной проволоки клетка для большого попугая. А если вы решите открыть один из книжных шкафов – тот, что с глухими дверцами – и вытянуть наугад любую книгу, то обнаружите, что взяли вы толковый словарь господина Даля. Это не волшебный шкаф, уверяю вас. Просто иных книг он не содержит вовсе. Только и исключительно – словарь, соавтор которого сидит здесь, за нашим столом. Скелет попугая на резной ореховой подставке, стоит там же на верхней полке. Наш уважаемый хозяин лично собрал его из косточек покойного Иннокентия.

– Вы хотите сказать, что... – удивлённо поглядывая то на хозяина, то на Георгия, начала Ольга.

– Именно, – не дослушав очевидного вопроса, отреагировал Георгий.

– А я сразу догадался, – объявил Крупский. – Вот как увидел то же лицо, что и двадцать лет назад, так сразу и понял.

Крупский уже говорил в нос, язык его заплетался. Он был сильно пьян, но снова тянулся к графину.

– Оставьте в покое графин, Виктор, – сказал Георгий. – Вам утром садиться за руль и ехать по рыхлому снегу по краю обрыва.

Крупский безвольно откинулся на спинку стула и сделал виноватое лицо. От стыда за омерзительно пьяного любовника Ольга прикрыла глаза ладонью.

– Смотрю, ты уже всё решил за меня, – справившись с

эмоциями, сказал хозяин.

– Право имею, – ответил Георгий. – Зачем ты взялся за старое? Ты не поймаешь этот крохотный осколок. Мы оба это знаем. А что будет после? Зачем тебе Ольга? Чтобы выбросить её, как когда-то хотел избавиться от Иннокентия? Отпусти людей с миром или я сам открою для них перевал.

– Пришёл без спроса и всё испортил, – с обидой в голосе отозвался хозяин, после чего резво поднялся. – Да делайте вы что хотите! – выкрикнул он и ушёл в библиотеку, громко хлопнув дверью.

После ужина Крупский, едва преодолев крутые ступени лестницы, добрался кое-как до кровати, рухнул на неё и сразу уснул. Очнулся он глубоко за полночь. Ольга спала, отвернувшись к стене. Чувствовал себя Крупский отвратительно. Обув тапки, он вышел из комнаты. Сходил в ванную, шаркая, как дряхлый старик, ногами, умылся и немного привёл себя в порядок. После спустился в столовую. Обнаружив на столе графинчик с виски и корзинку с мандаринами, обрадовался. Усевшись за стол, немного выпил, занюхал, закусил.

Из рассказов Георгия Крупский помнил не всё, но уловил главное: в качестве оплаты за проезд через кордон хозяин хотел забрать Ольгу. Но вмешался этот говорливый блондин и сделка не состоялась.

– А жаль, – проговорил Крупский. – Ой, как жаль...

Он хотел выпить ещё, но вспомнив, что сказал Георгий о

предстоящей поездке, совсем расстроился и пошёл спать.

Светало быстро. Крупский с брелока запустил мотор, чтобы машина немного прогрелась. Ночью подморозило, но едва начало светать, с сосулек снова закапало. Ольга окинула взглядом комнату: вроде бы ничего не забыли.

– Идём, – сказал Крупский.

Они вышли, спустились по лестнице, поискали хозяина, чтобы рассчитаться и проститься. В библиотеке Ольга заметила старинную клетку для большого попугая, подошла, с неизъяснимым трепетом потрогала. После утолила любопытство: заглянула в шкаф. Скелет ары действительно оказался на самой верхней полке, слишком высоко для её роста. Стремянка стояла неподалёку, но Ольга не решилась её трогать. Надписи на корешках разного цвета и формата книг были одинаковыми: «Толковый словарь живого великорусского языка», В.И.Даль.

Хозяин и Георгий, опершись локтями на перила, общались на террасе у входа.

– Зачем пожаловал? – спросил хозяин. – Уж точно, не ради того, чтобы влезть в мои дела и расстроить сделку. Выкладывай, не юли.

– Мне было знаменье и глас, – ответил Георгий. – Сказано, что, если из легиона удастся собрать хотя бы дюжину светлых воителей, появится шанс.

– Шанс на что? – спросил хозяин.

– На исправление того, что творится в Зоне и... самих себя тоже.

Одинокий фонарь на столбе всё ещё был включён, но его тусклый желтоватый свет уже не достигал земли. Какое-то время хозяин, задумавшись, смотрел на него. После обернулся и с необъяснимой решимостью щёлкнул выключателем на стене. Фонарь погас.

– Крылья не жмут, ангел? – усмехнувшись, спросил хозяин. – Я в деле, – уверенно сказал он.

Вышли на террасу. Крупский полной грудью вдохнул чистый горный воздух.

– Утро туманное, утро седое... – шумно выдохнув, сказал он.

Тумана на самом деле не было. Рассвело пока не полностью, призрачность минувшей ночи ещё таилась у скал, построек, голых деревьев и кустов, создавая иллюзию лёгкой парящей пелены.

– Спасибо за приём и всего вам доброго, – первой обратилась к хозяину Ольга.

– А мы искали вас в доме, – сообщил Крупский. – Сколько я вам должен?

– Ничего не должен, – ответил хозяин.

– Нет, ну мы же... ужин, виски, кордон?.. Отличный, кстати, виски. Похмелья ноль, голова свежая. Ирландский Ред-

брест?

– Соседский самогон, – ответил хозяин. – Сказал же тебе – ничего, значит, ничего. Езжайте, пока воды на дороге мало.

– Самогон?! – удивлённо переспросил Крупский. – Да это какой-то... обман?

Крупский развёл руками и понёс своё недоумение в машину.

– Останови, – едва отъехали от дома, сказала вдруг Ольга. Крупский нажал на педаль тормоза.

– В чём дело? – спросил он.

– Где мой чемодан? – спросила Ольга.

– Успокойся, не забыли мы твой чемодан. В багажнике лежит.

– Открой багажник, – попросила Ольга.

Крупский состроил недовольную гримасу и пожал плечами.

– Ох уж эти бабы!.. – негодуя, произнёс он полушёпотом, но из машины вышел, багажник открыл.

– Я остаюсь, – объявила Ольга, вынимая чемодан.

– Здесь?! – очумело переспросил Крупский.

– Здесь, – уверенно ответила Ольга.

– У чёрта на куличках?! – снова спросил Крупский.

– Да, – сказала Ольга.

– Ну ты и дура! – высказал Крупский и, плюнув под ноги, сел за руль.

– Иннокентий или Шахерезада – вот в чём вопрос, – глядя на то, как Ольга волочит за собой по щебёнке чемодан на маленьких колёсиках, широко улыбаясь, произнёс Георгий.

– Невероятное чутьё даже для бабы! – вместо ответа сказал хозяин. – А ведь душонка этого Виктора ночью сама отлетела.

– Видел, – признался Георгий. – Даже поймать пытался: рефлекс, знаешь ли, сработал.

– Как думаешь, доедет? – поинтересовался хозяин.

– С ней почти наверняка доехал бы, а один... сомневаюсь.